

УДК 94(470.6)

ББК 63.3(2)

М 46

Мекулов Джебраил Хаджибиратович, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Адыгея, главный научный сотрудник АРИГИ, т.: 8(961)8190233.

ВОПРОСЫ ВЛАСТИ И ДЕМОКРАТИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

(рецензирована)

Автор подчеркивает смысл и значение понятий «власть» и «демократия», выделяя особо когда теряется демократичность, к чему это приводит. Для многонационального Северного Кавказа – это очень важный и актуальный вопрос.

Ключевые слова: *власть, демократия, тоталитаризм, федерализм, конфликт, консолидация, акценты, конфессии.*

Mekulov Jebrail Khadzhibiratovich, Doctor of History, professor, Honored Scientist of the Republic of Adyghea, Chief researcher of ARIHR, tel.: 8 (961) 8190233.

ISSUES OF POWER AND DEMOCRACY IN THE NORTHERN

CAUCASUS (Historical aspect)

(reviewed)

The author emphasizes the meaning and significance of the concepts of "power" and "democracy", especially when allocating lost democracy, to which it leads. For the multinational North Caucasus it is a very important and topical issue.

Keywords: *authority, democracy, totalitarianism, federalism, conflict, consolidation, accents, religions.*

Событием последних лет, повлекшим за собой цепь политических изменений, ставших судьбоносными для многих народов страны, не исключая и народы Северного Кавказа, явился распад крупнейшей державы мира – СССР, базировавшейся значительный период своей истории на основах широкого использования тоталитарной по своему характеру власти.

Развитие государственности на этой базе не могло не привести к какому-либо другому состоянию, чем то, какое имело государство – СССР к концу 80-х годов: спад экономики, игнорирование потребностей национального развития народов, пренебрежение национальными особенностями, острые социальные конфликты, возникающие на межэтническом и национально-государственном уровнях, нарушение принципов национально-государственного и административно-территориального обустройства народов, обострение взаимоотношений по вектору «народы и власть», разрыв, углубление пропасти в отношениях, нарушение вертикальных и горизонтальных связей между субъектообразующими государством, насильственное внедрение не проверенных практикой развития общества принципов ведения различных отраслей народного хозяйства, попрание религии народов, имевшей глобальное влияние на формирование их национального сознания.

Стремительно меняющиеся условия жизни современного Российского общества, деформация и слом прежних властных структур, коренные изменения ценностных и поведенческих стереотипов людей, появление новых социальных слоев и групп, резкая дифференциация в обществе, изменение статуса России в рамках мирового сообщества – все это диктует повышенные требования к проблеме взаимоотношений Центра с национальными окраинами и наоборот, и не утратило до сих пор своей актуальности. Ее решение, по-прежнему, требует максимального и всестороннего учета особенностей различных территорий, включая и Северный Кавказ, а главное – традиций народов, проживающих на этой территории, более взвешенного и дифференцированного подхода к тем изменениям, которые претерпевали они по мере утверждения новых общественных отношений, государственности.

История национально-государственного обустройства народов Российской Федерации, в том числе народов Северного Кавказа, располагает богатым опытом становления и упрочнения основ федерализма в 20-30-е годы [1]. Его детальное изучение позволит устранить многие ошибки государственной политики в сфере национальных отношений, заложенные еще в первые десятилетия функционирования Российской Федерации, вскрыть причины обострения отношений между народами, их влияние на развитие Российской государственности.

В национальных районах Северного Кавказа сказывалось на первых порах отсутствие опытных специалистов из местных националов, знающих русский язык, знакомых с основами советского государственного строительства, формами внедрения принципов демократизации зарождавшихся новых общественных отношений. Поэтому не случайно, что многие начинания в тот период приобрели искаженный смысл и далеко не соответствовали провозглашенным лозунгам, чаяниям и интересам забитой национальной массы, отличавшейся низким уровнем национального сознания, опыта общественной работы.

Исследование вопросов национально-государственного обустройства народов края, строительства аппарата управления национальными государственными образованиями на местах, сущности взаимоотношений различных партий и общественных движений, экономического и культурного развития народов Северного Кавказа, начиная с 1918 года, т.е. после установления нового общественного строя на значительной территории Северо-Кавказского региона России, позволяет сделать ряд кардинальных выводов, способствующих, по-нашему глубокому убеждению, стабилизации обострившейся ситуации во взаимоотношениях между народами и властью, местами и Центром, между самими народами – соседями.

Опираясь на опыт 20-30-х годов, можно констатировать, что центральные структуры (федеральные органы власти) способны, как и в 20-30-е годы, играть роль мощного стабилизирующего фактора в конфликтных ситуациях межнациональных отношений, однако, при строгом соблюдении главного принципа – сбалансированности соотношения между историческим прошлым и складывающимися историческими реалиями [2]. Нарушение сбалансированного состояния между национальным и интернациональным, увлечение национальным ведет, как подтверждает и практика национальных отношений последних лет, неизбежно к господству национальной идеи, а последняя, в конечном итоге, вызывает националистический психоз, переходящий на уровень, при котором все спорные проблемы в отношениях между народами, субъектами решаются через конфликт, протекающий с применением вооруженной силы, примеров этому на Северном Кавказе, начиная с 20-х годов, более чем достаточно.

Как раз об этом свидетельствуют современные процессы обострения межэтнических отношений в некоторых районах страны и, особенно, на Северном Кавказе (Чечня, Осетия, Ингушетия).

Обращение к актуальным проблемам складывания и формирования власти функционировавшего режима на местах, демократизации общества в национальных регионах Северного Кавказа и фактического проявления демократии на практике через действующие государственные институты как в центре, так и на местах правомерно по нескольким причинам.

Во-первых, потому, что территория Северного Кавказа является уникальной в этническом отношении. Здесь проживают десятки различных этносов, отличающихся друг от друга своей специфичностью, ролью и местом в общей системе межнациональных отношений, конфессиональным фактором, различной степенью складывавшихся предпосылок для утверждавшегося нового общественного строя с 1917 года, уровнем экономического состояния районов проживания этих народов и их культурного развития [3].

Другая причина обращения к рассматриваемой проблеме объясняется наличием столь многочисленной русской нации, ее северокавказского звена, выступавшего консолидирующим началом в решении многих социальных проблем, укрепления дружбы между народами, передававшего опыт менее развитым этносам и этническим меньшинствам как по организации их государственности, так и решению многих социальных проблем с 1917 до начала 40-х годов.

В-третьих, в условиях тоталитарного режима Северный Кавказ выступал в 20-40-е годы в качестве своеобразной лаборатории решения многих кардинальных проблем государственного и административно-территориального обустройства этносов, советского и партийного строительства, выработки форм взаимоотношений народов с различными вероисповеданиями, уровнем хозяйственного и культурного строительства.

В-четвертых, появляется возможность более детального исследования актуальных проблем власти и демократии на Северном Кавказе, что позволит покончить с бесконечной иллюстрацией фальшивого благополучия, расставить акценты, дать правдивую оценку тем процессам, которые затронули и народы Северного Кавказа: коллективизация, преследование интеллигенции, гонение

представителей различных конфессий, принудительные переселения, расказачивание, притеснение казачества как части русского населения, многих других северокавказских народов в 40-х годах.

Именно в период с 1917 года до начала 40-х годов в регионе происходил процесс становления аппарата государственной власти социалистического типа с ярко выраженными изъянами, включавшими и негативные факторы по отношению к самой власти, ее институтам, стремление народов изменить свое положение, ослабить ужесточение методов партийного руководства массами через советы, другие общественные институты власти, что в конечном счете приводило к дискредитации самой сути советской власти, а тем самым и утрате ее авторитета среди масс, нарушению принципов истинной демократии, отходу масс как от партии, так и от советов, призванных, казалось бы, защищать и отстаивать интересы этих же трудящихся масс [4].

История народов Северного Кавказа привлекательна «богатством» форм внедрения тоталитарного режима в управление регионом, при котором подавлялось какое бы то ни было проявление самобытности народов, местного национализма, в каком бы виде он не выражался и какое бы влияние он не оказывал на судьбы северокавказских народов.

Всесторонне изучив историю, особенности и динамику органов власти на Северном Кавказе автор приходит к однозначному выводу: в 30-х и начале 40-х годов реальная власть была перемещена от государства к партии.

Свидетельством нарушения демократического принципа в национально-государственном строительстве на Северном Кавказе является и постепенное ослабление внимания к объявленным лозунгам партии об экономическом и культурном развитии народов, особенно национальных регионов. Бурный всплеск после революции постепенно затухал, что объяснялось складыванием административно-командной системы управления обществом, которая завершилась к концу 20-х годов, а также и возросшим усилением роли партии в управлении общественными процессами.

Установка партии по индустриализации и коллективизации для Северного Кавказа, как аграрного края, наряду с положительным моментом имели колоссальные отрицательные последствия, особенно коллективизация, которая была глубоко

антидемократична, с широким применением репрессивных методов (высылка 172 тыс. кулаков, ликвидация отгонного скотоводства, отказ от террасного земледелия) [5].

Вывод однозначен наблюдалась нивелировка национальных особенностей, ослаблялось внимание к национальным проблемам и, особенно, к проблемам этнических меньшинств.

Вторая половина 30-х годов и канун войны 1941-1945 гг. как раз и проявили все негативные стороны проводившихся мер советской властью в сфере советского, национально-государственного обустройства народов Северного Кавказа, их административно-территориального размеживания, формирования взаимоотношений как по вертикали (федеральный центр), так и по горизонтали (между субъектами Северо-Кавказского края).

Выборы в советы во второй половине 30-х годов, принятие Конституции СССР подвели итоги работы советской власти и партии за два десятилетия. Партийная пропаганда провозглашала эти итоги, как триумф господства демократии в социалистическом государстве, что было далеким от истинного положения дел. Так, несмотря на реабилитационные меры в лагерях находились сотни тысяч репрессированных граждан, включая и представителей Северного Кавказа.

Развитие событий на Северном Кавказе и в 90-е годы еще раз подтверждает уже введенное в практику суждение о том, что Северный Кавказ зачастую выступает влиятельным фактором на общее состояние развития национальных процессов в стране, на общее политическое и экономическое положение [6].

Проблемы взаимоотношений власти и демократии на протяжении всей истории человечества остается объектом неутихающих споров, теоретических дискуссий и предметом научных исследований.

В условиях однопартийной системы в СССР, и которая была скопирована другими странами «реального социализма», фактически народ оказался отчужденным от государственной власти, а властные функции были присвоены партийным руководством и его аппаратом.

Когда после определенной расчистки почвы, произведенной XX, XXI, XXII съездами КПСС, было объявлено о «развернутом строительстве коммунизма», а после ряда уточнений – о «создании и совершенствовании развитого социализма», то пришлось признать, что ни коммунизма, ни развитого социализма построить не

удалось. В обществе возник «механизм торможения», оно оказалось в застое и разложении, в глубочайшем экономическом кризисе, а точнее в социально-экономическом тупике.

Рассуждения, ориентированные в будущее, не оправдались именно потому, что при анализе истории применялось не научное обществоведение, а его сталинская версия, не научный социологический ключ, а вульгарная отмычка, с помощью которой нельзя проникать в тайны истории.

Отсюда вывод: что необходимо высвободить государство из рук партийного аппарата, сделать его носителем политической власти, принимающим решения. Это необходимо для того, чтобы граждане, избирающие своих представителей в органы, формирующие государственные структуры, стали причастными к осуществлению политической власти и контроля над ней.

Литература:

1. Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти. М., 1991 ; Бугай Н. Ф. Чрезвычайные органы Советской власти в создании основ многонационального союзного государства // Советы национальных регионов России. 1917-1922 гг. Рига, 1985 ; Исрапилов А.-К.М. Революционные комитеты в борьбе за установление и упрочение Советской власти в национальных районах Северного Кавказа. Махачкала, 1976 ; Понихин Ю. М. Революционные комитеты РСФСР, 1918-1921 гг. Саратов, 1982.

2. Амелин Г.К. Петроградский Военно-революционный комитет и его роль в закреплении и охране завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, октябрь-декабрь 1917 года. М., 1963 ; Зайдиев З.З. Военно-революционные комитета Дагестана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972 ; Зайдиев З.З. Военно-революционные комитеты Дагестана. Махачкала, 1973 ; Растринин А.Ф. Революционные комитеты в борьбе с экономической контрреволюцией // История КПСС. 1967. № 5 ; Хесин С.С. Становление пролетарской диктатуры в России. М., 1975 ; Цыпкина Р.Г. Военно-революционные комитеты в Октябрьской революции. М., 1980.

3. Сорокина Л.И. Коммунистические фракции местных советов в борьбе за укрепление диктатуры пролетариата в первые годы восстановительного периода.

1921-1925 гг. М., 1974 ; Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве, 9-12 июня 1923 г.: стеногр. отчет. М., 1992.

4. Бугай Н.Ф., Мекулов Д.К. Народы и власть: «социалистический эксперимент». Майкоп, 1994 ; Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994.

5. История сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи (1870-1993 гг.). Майкоп, 1994 ; История советского крестьянства Дагестана. 1917-1980 гг. В II. Т. I. Махачкала, 1986 ; Там же. Т. II. Махачкала, 1989.

6. Государственная власть в Адыгее: становление, эволюция, перспективы. Майкоп, 2009 ; Демократия и советы : ученые и практики за круглым столом // Советы народных депутатов. 1988. № 5 ; Очерки истории Адыгеи. В 2 т. Т. II. Майкоп, 1981 ; Совершенствование национальных отношений в СССР в свете решений XVII съезда КПСС. М, 1988.

References:

1. *Bughay N.F. Extraordinary Soviet authorities . M., 1991; Bughay N.F. Extraordinary Soviet authorities in laying the foundations of the multinational Soviet state// Councils of the ethnic regions of Russia. 1917-1922. Riga, 1985; Israpilov A.-K. M. The Revolutionary Committees in the struggle for the establishment and consolidation of Soviet power in the national regions of the Northern Caucasus. Makhachkala, 1976; Ponikhidin Y. M. Revolutionary committees of the RSFSR, 1918-1921. Saratov, 1982.*

2. *Amelin G.K. Petrograd Military Revolutionary Committee and its role in securing and protecting the gains of the Great October Socialist Revolution, October-December 1917. M., 1963; Zaidiev Z.Z. Military-Revolutionary Committees of Dagestan: abstract of diss. ... Candidate of history, 1972; Zaidiev Z.Z. Military-Revolutionary Committees of Dagestan. Makhachkala, 1973; Rastrigin A.F. Revolutionary Committees in the fight against the economic counter-revolution / / History of the CPSU, 1967, № 5; Khesin S.S. The establishment of the proletarian dictatorship in Russia. M., 1975; Tsyapkina R.G. Military-Revolutionary Committees in the October Revolution. M., 1980*

3. *Sorokina L.I. Communist fractions of local councils in the struggle for strengthening the dictatorship of the proletariat in the early years of the recovery period.*

1921-1925. M., 1974; The fourth meeting of the CC RCP (b) with senior officials of the national republics and regions in Moscow, 9-12 June 1923: Transcript. M., 1992.

4. Bugay N.F., Mekulov D.C. The peoples and the power: "socialist experiment". Maikop, 1994; North Caucasus: Choosing the way of national development. Maikop, 1994.

5. History of agriculture and the peasantry of Adyghea (1870-1993). Maikop, 1994; History of the Soviet peasantry of Dagestan. 1917-1980. B. 2. V.1. Makhachkala, 1986; The same. V. II; Makhachkala, 1989.

6. State power in Adyghea: formation, evolution and prospects. Maikop, 2009; Democracy and councils: scholars and practitioners at the round table / / Councils of People's Deputies. 1988. N 5; Studies on the History of Adyghea. In 2 vol. Vol II. Maikop, 1981; Improvement of relations between nationalities in the USSR within the XVII Congress of the CPSU decisions. M., 1988.